

ДУХОВНАЯ КРОВЬ

В поэзии Анатолия Аврутина странным образом переплетаются счастье и горе, надежда и отчаяние, яркий свет — и даже не тьма, а сумрак, поглощающий линии и цвета всего живого, одновременно заглушая звуки неумолкающей жизни. Это сочетание противоположных начал делает его стихи тревожными, они будоражат душу и заставляют ее ценить всякое мгновение неуловимого бытия.

Взгляд поэта внимателен к деталям, предметы у него имеют вес и форму, у них есть своя индивидуальность. И в то же время его лирический герой кажется существом из другого мира, ветер непостижимой судьбы занес его в наше время и пространство. И он принял их как родину, почувствовал тепло струящейся в жилах крови, которая берет исток в сердце матери. А его давние предки мерцают в памяти именами, событиями, лицами — и это также кровь, только духовная.

Образность строк Аврутина легка и свободна. Поэт может соединять вещи, отстоящие друг от друга довольно далеко, помещать их в тело стиха, и уже там они трепещут, размывая границы лирического высказывания. Притом позволяя льющейся вдохновенной речи облекать плотную действительность и делать ее совсем неоднозначной. Ведь именно такой, неотвратимой и холодной она бывает, когда человек вписан в нее безоглядно, без намека на какую-либо дистанцию между одинокой душой и бездной рационального социума.

Анатолий Аврутин — художник метафизический. В таком определении нет философской темноты и неопределенности. Для него несомненен Бог, бесценна человеческая жизнь, горька память о прошлом. В художественном пространстве его лирики можно найти много иных акцентов и определений. Однако эти три относятся к числу важнейших, они роднят современного автора с художниками прежних лет — вне зависимости от давности. Такая преемственность дорога и поэту, и читателю. Потому что каждый из них теперь не одинок.

Вячеслав ЛЮТЫЙ

* * *

Средь вселенского накала,
Впереди высоких вод,
Что-то тайное звучало,
Подпирая небосвод.

Очищали эти звуки
Весь внимающий распах
И от боли, и от муки,
И от горечи в зрачках.

И внимало божье око
Гулу, шедшему извне,
Чтоб светло и одиноко
Раствориться в тишине.

От листвы ржавела бровка,
Божий свет сдувало с плеч...
И по зернышку, неловко,
Но проклевывалась речь.

* * *

Не смогли, не вышли, не дотопали,
Не посмели лишнего посметь.
И стоят-скрипят два чахлых тополя
В том ряду, где Родина и смерть.

Им еще скрипеть под непогодиной,
На ветру лечить радикулит,
Снова безответно бредить Родиной —
Той, что под корою и болит.

Так болит, что кипень белопенную
Впору им совсем не замечать,
А привычной дрожью подколенную
Липкий страх советует молчать.

Не кивать на долю незавидную,
Не кивать ни ныне и ни впредь.
И скрипят стволы радикулитные
Да листва торопится слететь.

«...что русский исход тяжелей, чем еврейский исход...»

Надежда Мирошниченко

А время кричало в пустом и безветренном поле,
 Что русский исход тяжелей, чем еврейский исход.
 И аист кружил... Он в полете не думал о воле —
 Не думает вовсе о воле свободный народ!..

И что-то мешало идти и не думать о брэнном,
 И что-то велело укрыться в свое забытье.
 А это Россия торопко струилась по венам,
 В висках выбивая росистое имя свое.

И что-то гудело в далекой, нехоженой чаще,
 Да так, что казалось — вот-вот и уже бурелом...
 Но аист летящий, но аист о чем-то кричащий,
 Взрезал беспросветность своим осторожным крылом.

И вроде светлело... Все больше являлось народу —
 Следили за птицей, чубы к поднебесью задрав.
 И вброд перешли они стылую черную воду,
 Что в скользких обломках несла очертанья держав.

И даль содрогнулась... И что-то вдали заалело.
 И плечи негнулись под вечное: «Мать-перемать...»
 А тело болело... Да в венах Россия гудела,
 И в тромб собиралась, готовая сердце взорвать...

* * *

Хоть и солнечно, иней белеет,
 Ну а листья летят и летят
 Над пустой и безлюдной аллеей —
 То ли вкось, то ли вкривь, то ли в лад...

И с какой-то неясною силой
 Изменяя их стылый полет,
 Ветер северный, ветер унылый,
 Об оставленных гнездах поет.

Он поет, разбиваясь о сучья,
 Быстролетно обшарив дупло,
 В нем какая-то хитрость паучья,
 Для которой пространство мало.

А листва, а листва зарева,
 Среди парка, что грустен и нем,
 Все кружится, полет продлевая,
 Все кружится, не зная зачем...

Валерию Хатюшину

Мы пришли в этот мир
 Из холодных квартир,
 Где под примус скворчала картошка,
 Где за стенкою жил отставной конвоир,
 Все приученный слушать сторожку.
 Где динамик хрипел от темна до темна
 И нигде его не выключали —
 Вдруг внезапно объявят, что снова война
 И по радио выступит Сталин?..
 Этот круглый динамик меня одарил
 Знанием опер, столиц и героев.
 Душу «Валенки» грели,
 «Орленок» парил,
 И танкистов-друзей было трое...
 А Утесов хрипел нам про шар голубой,
 Но мы знали — объявят тревогу,
 И пойдем «на последний, решительный бой»,
 Так что, «смело, товарищи, в ногу...»
 А теперь ни динамиков нет, ни святынь...
 И давно нет в быту керосина.
 Телевизор посмотришь: «Нечистая, сгинь...»
 Где был дух, там одна Хиросима.
 Слышу старых друзей голоса из-под плит —
 Им так больно, что мир разворован!
 И отрада одна — белый аист летит
 Все же выше, чем каркает ворон...

* * *

Чуть курчавится дым от воткнутой в салат папиросы,
 Не идет разговор... И не пьется... И мысли не в лад.
 Все ответы даны... Остаются все те же вопросы:
 «Что же делать теперь?..» И, конечно же: «Кто виноват?»

Да, характер таков у смурного от жизни народа,
 Все: «Авось, перебьемся... Авось, доживем до поры...»
 Будут мед добывать, а себе не останется меда,
 Воздвигают палаты, а хаты кривы и стары.

Угорая в чаду, что дарит позабытая вьюшка,
 Все боятся чего-то и вечен тот давящий страх.
 Но наутро из хаты — чуть свет! — выбегает девчужка,
 И сама, как росинка, и солнце несет в волосах.

И ее узнают и деревья, и рыбы, и птахи,
 И листок золоченый все тщится в ладошку слететь...
 Крикнет: «Папа, гляди!..» И отцы забывают про страхи,
 И шеломистый купол на Храме спешит золотеть.

Засочится смола вдоль недавно ошкуренных бревен,
Мужики пожалеют, что вечером слабо пилюсь...
— Кто виновен? — спроси. И ответят: «Никто не виновен...»
— А что делать-то нужно? — Так выживем, людцы... Авось...»

* * *

Первое августа. Завтра Илья.
Серым дождям ни конца, ни начала.
Сохнет-не высохнет стопка белья,
Что накануне жена настирала.

Лето на позднем своем рубеже,
Сколько Илью ни зовите Илюшей...
И поселяется осень уже
Первого августа в стылую душу.

Значит, мне старые книги листать,
В небе выискивать светлые пятна.
Значит, мне с птицами вдаль улетать,
Точно не зная — вернусь ли обратно?..

* * *

Узколицая тень все металась по стареньким сходням,
И мерцал виновато давно догоревший костер...
А поближе к полуночи вышел отец мой в исподнем,
К безразличному небу худые ладони простер.

И чего он хотел?.. Лишь ступней необутой примятый,
Побуревший листочек все рвался лететь в никуда.
И ржавела трава... И клубился туман возле хаты...
Да в озябшем колодце звезду поглотила вода.

Затаилась луна... И ползла из косматого мрака
Золоченая нежить, чтоб снова ползти в никуда...
Вдалеке завывала простуженным басом собака
Да надрывно гудели о чем-то своем провода.

Так отцова рука упиралась в ночные просторы,
Словно отодвигая подальше грядущую жуть,
Что от станции тихо отъехал грохочущий «скорый»,
Чтоб во тьме растворяясь, молитвенных слов не спугнуть...

И отец в небесах...
И нет счета все новым потерям.
И увядший букетик похож на взъерошенный ил...
Но о чем он молился в ночи, если в Бога не верил?..
Он тогда промолчал... Ну а я ничего не спросил...